

Во внутренних покоях.

Смутный дневной свет пробивался сквозь оконную бумагу, озаряя комнату.

Среди растерзанных постельных принадлежностей Янь Цин лежал лицом в подушку. Его веки припухли, уголки глаз покраснели, а на обнаженной части спины отчетливо виднелись багровые отметины.

Он проснулся от мелкого, назойливого зуда на лице. С трудом разомкнув веки, он понял, что уже рассвело. Повернув голову, он увидел рядом с собой лежащего на боку Шэнь Цзюэ.

Янь Цин заподозрил, что тот вообще не спал, а всю ночь вот так на него пялился.

— Ты...

Он хотел заговорить, но голос совершенно охрип, издав лишь невнятные звуки.

Шэнь Цзюэ смотрел на него, время от времени склоняясь, чтобы нежно поцеловать кончики его пальцев. В его движениях сквозила невыразимая ласка, взгляд стал необычайно мягким, а голос – сладким, как мед:

— Мастер проснулся?

Янь Цин не обратил внимания на его нежности. Полуоткрыв влажные глаза, он первым делом посмотрел ученику в лицо.

Некогда багровые зрачки наконец снова стали черными, а из его ауры исчезла та лихорадочная тревога.

Прочистив горло, он снова заговорил:

— Как... ты себя чувствуешь?

Шэнь Цзюэ снова поцеловал его, выглядя абсолютно удовлетворенным. Его тон был тихим, но многозначительным:

— Мне очень хорошо. А Мастер достаточно отдохнул?

Янь Цин не ответил. Он нутром чуял, что это вопрос с подвохом.

Он попытался вернуть разговор в конструктивное русло:

— Ты помнишь, что произошло до этого?

Шэнь Цзюэ на мгновение замер, одна его бровь вопросительно изогнулась. Он выглядел искренне озадаченным:

— А что я должен помнить?

У Янь Цина защемило сердце. Значит ли это, что он ничего не помнит?

Но Шэнь Цзюэ продолжил:

— Я помню лишь, что в моей культивации возникла заминка, и я вышел из места уединения,

чтобы найти Мастера. А потом... Мастер сам обнял меня, я не сдержался и...

Янь Цин едва не подавился собственной слюной. Он долго не мог вымолвить ни слова, а его лицо залил густой румянец.

«Значит, всё-таки помнит. Ну, так даже проще – это лучше, чем если бы он совсем потерял рассудок и всё забыл».

Придерживая затекшую поясницу рукой, Янь Цин сел, прислонившись к изголовью, и со всей серьезностью посмотрел на него:

— Ты хоть понимаешь, что за заминка случилась в твоей культивации?

Шэнь Цзюэ положил руку ему на талию, стараясь унять ноющую ломоту. Его голос звучал приглушенно:

— ...Понимаю. Просто внутренний демон пробудился.

Янь Цин не выдержал и прикрикнул:

— «Просто» внутренний демон?! И это для тебя пустяк?!

— Ты вообще не ценишь свою жизнь?

Шэнь Цзюэ продолжал с умеренной силой массировать ему поясницу, его длинные ресницы опустились:

— Всё равно Мастеру нет до меня дела. Вы только и мечтаете о моей смерти, чтобы наконец избавиться от меня. Зачем же теперь проявлять заботу?

Янь Цин так возмущился этой наглой подмене понятий, что у него перехватило дыхание:

— Когда это я о тебе не заботился?!

Шэнь Цзюэ поднял на него взгляд и принялся методично перечислять:

— Если бы Мастер заботился обо мне, то почему он вечно пытается сбежать? Почему даже вступил в сговор с посторонними, чтобы противостоять мне? А в этот раз Мастер и вовсе...

Всё это действительно было правдой. Слушая его, Янь Цин чувствовал, как растет его чувство вины, и в конце концов он прервал его:

— Одно другому не мешает. Разве я не могу заботиться о тебе, даже не находясь рядом?

Шэнь Цзюэ ничего не ответил, лишь смотрел на него своими черными, влажными глазами.

Под этим взглядом Янь Цин сдался уже через пару секунд. Отводя взор, он пошел на компромисс:

— Хорошо, я обещаю: впредь, пока ты сам меня не выгонишь, я не уйду от тебя по своей воле.

В конце концов, честь уже потеряна, и между «одним разом» и «многими» разницы уже нет. Лучше остаться здесь и поскорее обнулить уровень очернения, чтобы потом спокойно смыться.

Пальцы Шэнь Цзюэ непроизвольно сжались чуть сильнее, и Янь Цин невольно шикнул от боли.

Шэнь Цзюэ тут же спохватился, ослабил хватку и виновато погладил ушибленное место. Его глаза сияли, как звезды на небе:

— Мастер хочет сказать, что в будущем... в будущем вы больше не оставите своего ученика?

Янь Цин без колебаний кивнул.

Шэнь Цзюэ просиял от счастья, но странно – со стороны Системы не последовало никаких уведомлений.

Это означало, что уровень очернения не изменился ни на йоту.

Весьма необычно. Судя по прошлому опыту, в таких ситуациях уровень очернения должен был хоть немного снизиться, а не стоять на месте.

В голове Янь Цина роились тысячи мыслей, но внешне он оставался невозмутим, продолжая прощупывать почву:

— Ты не веришь своему учителю?

Шэнь Цзюэ мягко улыбнулся:

— Как можно. Конечно, я верю Мастеру.

«Становится всё страннее и страннее...» Эта его улыбка напомнила Янь Цину ту самую, с которой он встретил его, когда тот вылезал из-под кровати.

Но разоблачить его было невозможно, оставалось лишь еще раз подтвердить свою позицию:

— Я серьезно. Даже если ты будешь гнать меня, я не уйду. Я останусь с тобой навсегда.

Шэнь Цзюэ на мгновение замер, его рука на талии учителя замерла, а затем начала медленно сползать ниже. Голос его звучал неопределенно:

— Сможет ли Мастер сдержать слово?

Янь Цин:

— Конечно. Я слов на ветер не бросаю и со временем докажу тебе это.

Шэнь Цзюэ промолчал, но его рука продолжала опускаться.

Янь Цин вздрогнул и хотел было его остановить, но Шэнь Цзюэ, словно предугадав это, не прекратил своего занятия. Он посмотрел на учителя с видом глубоко раненного человека:

— Мастер ведь обещал добровольно остаться со мной... Или вы снова меня обманываете?

От этих прикосновений у Янь Цина подогнулись ноги. Он мертвой хваткой вцепился в свисающий полог кровати, едва удерживаясь в сидячем положении. Глубоко вздохнув, он с трудом выдавил:

— Ты ведь вчера всю ночь не спал, неужели ты совсем не устал?!

Шэнь Цзюэ опустил ресницы, на его лице отразилось какое-то совершенно неуместное смирение:

— Мастер наконец-то согласился остаться, но мне всё кажется, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я боюсь, что это лишь сон, и когда я проснусь, Мастер снова исчезнет.

На тыльной стороне ладони Янь Цина, вцепившейся в занавеску, проступили вены. Он глухо простонал:

— И что же ты предлагаешь?

Уголок губ Шэнь Цзюэ едва заметно дернулся вверх и тут же опал.

Он сохранил свое невинное и жалкое выражение лица:

— Я просто хочу по-настоящему чувствовать Мастера. Хочу, чтобы мы стали единым целым и больше никогда не разлучались. Неужели и это нельзя?

<http://bllate.org/book/18143/1740343>